

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

XXXVI

964542

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1981

М. Д. КАГАН-ТАРКОВСКАЯ

Чудо митрополита Киприана.

(Еще один фольклорный мотив в сборнике XV в.
книгописца Ефросина)

Рукописные сборники, написанные в 60—90-х гг. XV в. монахом Кирилло-Белозерского монастыря Ефросином, богаты произведениями, впитавшими мотивы и сюжеты устного народного творчества. Я. С. Лурье, впервые исследовавший сборники Ефросина с точки зрения их литературного содержания, объяснил интерес книгописца к занимательным сказочным и апокрифическим текстам его эстетическими взглядами, характерными для эпохи русского Предвозрождения.¹

Среди текстов, воспринявших влияние фольклора, отмечены сюжеты Толковой Палеи, легенды о Соломоне и Китоврасе, о дьяволе, обманом проникшем в ковчег Ноя, проложное «Слово о правде и неправде», близкое к народному стиху о правде и кривде, притчи-загадки, тесно сопрягающиеся с апокрифической «Беседой трех святителей», народно-поэтические элементы «Слова о хмеле» и «Плача Адама о рае», помещенного у Ефросина под названием «стих старина запивом».² Полное построчное описание сборников Ефросина позволяет открыть в них новые тексты, связанные с фольклором.³

В подборку традиционных высказываний о добрых и злых женах, приписанных Иоанну Златоусту и известных в составе «Пролога» и «Пчелы», Ефросин помещает оригинальный диалог, противопоставляющий добрую жену злой и напоминающий по своим интонациям скоморошьей сценку.⁴ В сборниках Ефросина читается апокрифическая легенда о перстне Римского царя, в основу которой легла евангельская притча о статире — золотой монете, найденной апостолом Петром по предсказанию Христа в рыбе. И легенда, и притча — варианты широко распространенного в мировом фольклоре сюжета о Поликратовом перстне.⁵

¹ Я. С. Лурье. Элементы Возрождения на Руси в конце XV—первой половине XVI века. — В кн.: Литература эпохи Возрождения и проблемы всемирной литературы. М., 1967, с. 190—199.

² Я. С. Лурье. Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина в конце XV в. — ТОДРЛ, т. XVII. М.—Л., 1961, с. 156—161.

³ М. Д. Каган, Н. В. Поньрко, М. В. Рождественская. Описание сборников XV в. книгописца Ефросина. — ТОДРЛ, т. XXXV. Л., 1980, с. 3—300.

⁴ М. Д. Каган-Тарковская. «Слово о женах о добрых и о злых» в сборнике Ефросина. — В кн.: Культурное наследие Древней Руси. Истоки. Становление. Традиции. М., 1976, с. 382—386.

⁵ М. Д. Каган-Тарковская. Легенда о перстне в сборниках Ефросина, книгописца Кирилло-Белозерского монастыря. — ТОДРЛ, т. XXXIV. Л., 1979, с. 250—252.

Обратим внимание еще на один текст ефросиновского сборника, повествующий о чуде митрополита Киприана. Во время путешествия по Литве митрополит посетил в одном селе двор, который за какую-то вину не благословил. После его отъезда двор исчез, от него осталось только оконное бревно, на которое Киприан положил свои рукавицы.

«Киприанъ митро(по)литъ видель и наездель в Литовском такова человека село велико тритцатора станица, а в станици по 12-ти сыновъ 30 станицъ. И посѣдѣлъ в ызбѣ той, встрѣтилъ его человекъ той. Святитель же не причастился ни к чему у нихъ, мало посѣдѣлъ и вонъ пошелъ. На окнѣ на столбѣ рукавки забылъ, борзо послалъ по нихъ на то мѣсто — не обрѣтесе ничто же, ни людеи, ни двора, ни животнаго — святитель не благословилъ — толке бревно оконное, на чемъ рукавки положены» (ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 9/1086, л. 96 об.—97).

Сюжет о дворе, исчезнувшем (провалившемся сквозь землю или утонувшем) в наказание за скупость хозяев, не накормивших странников, известен в славянских, русских, белорусских, литовских сказках и отмечен в указателях сказочных сюжетов под № 751,⁶ однако мотив уцелевших на оконном столбе (или на печи) рукавиц встретился нам только дважды: в русской сказке «Убогий», записанной А. Н. Афанасьевым, и в белорусской сказке «Бог, богач и бедняк», помещенной у Е. Р. Романова.⁷

Текст, найденный в сборнике XV в., вероятно, одно из самых ранних свидетельств существования этого сюжета на русской почве. Но запись Ефросина явно дефектна. Слова «село велико» и «на окне» написаны между строк; совершенно непонятно начало рассказа: что за человек встретил Киприана, как следует расшифровать слово «тритцатора», кто такие 12 сынов и что за 30 станиц;⁸ возможно, слова «святитель не благословил», очень важные для понимания смысла всего рассказа, должны были находиться где-то в начале, рядом с сообщением о том, что митрополит не причастился ни к чему.

Сюжет, в подробностях изложенный в позднейших записях Афанасьева и Романова, у Ефросина как бы смазан, некоторые детали совсем утрачены, внимание заострено на нескольких мотивах: наказание двора, который Киприан не благословил, и уцелевшее оконное бревно, на котором Киприан забыл свои рукавицы (тем самым благословив один этот предмет). Метаморфоза, происшедшая с рассказом, объясняется, по всей видимости, тем, что в сборнике XV в. представлен не первоначальный текст, а краткий пересказ, сделанный, скорее всего, самим Ефросином, склонным редактировать памятники, которые он переписывал.⁹ О том, как делал

⁶ Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Л., 1979, с. 185, 750* = АА *751.1. «Скупые хозяева не приглашают к ужину бедных странников, которые попросились у них почевать; дом их проваливается, остается одна печь с рукавицами нищего». См. также: J. K r z y Ź a n o w s k i. Polska bajka ludowa w układzie systematycznym, t. 1. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1962, АТ. 751; A. A a r n e, St. T h o m a s o n. The types of Folktale. Helsinki, 1961, 751A* (мотив уцелевших рукавиц в этих указателях не отмечен).

⁷ См. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева, т. 3, № 347. М., 1957, с. 102—103; Е. Р. Р о м а н о в. Белорусский сборник, вып. IV. Витебск, 1891, № 52, с. 198—200.

⁸ В сказке «Убогий» двор, в котором останавливаются путники, — разбойничий. Возможно, настоятельное упоминание в тексте Ефросина слова «станлица» также указывает на разбойничий характер места, где остановился Киприан, так как одно из значений этого слова — притон, становище шайки. (См.: В. Д а л ь. Толковый словарь живого великорусского языка, т. IV. М., 1955, с. 313).

⁹ Р. П. Дмитриева исследовала характерные особенности редакторской работы Ефросина на примерах многих древнерусских произведений, см.: Р. П. Д м и т р и е в а. Приемы редакторской правки книгописца Ефросина. (К вопросу об инди-

книгописец свои пересказы, мы можем судить по тексту легенды о перстне Римского царя, читающейся в сборниках Ефросина как в полном виде, так и в кратком пересказе, создавая который он обращал внимание на детали второстепенные, но интересующие его своей занимательностью и беллетристичностью.¹⁰

Несмотря на фрагментарность записи Ефросина, попробуем сопоставить рассказ о чуде митрополита Киприана с отражением этого сюжета в народных сказках, записанных Афанасьевым и Романовым.

А. Н. Афанасьев.
«Убогий»

Бедняк Нестерка отправляется с детьми по миру.

Нестерка встречает убогого старика и берет его с собой.

Нестерка приехал в село и остановился на ночлег в богатом доме.

Гостей не накормили, они тайно уехали.

Убогий посылает Нестерку за забытыми на полях рукавицами.

«А того дома как не бывало, сквозь землю провалился! Одни рукавицы на печном столбу уцелели».

Е. Р. Романов.
«Бог, богат и бедняк»

Бедняк повез продавать воз решет.

Бедняк встречает двух стариков и берет их с собой.

Бедняк приехал в село и остановился на ночлег в богатом доме.

Гостей не накормили, они тайно уехали.

Один из стариков посылает бедняка за забытыми «перчаточками и лежач яни на стовпе».

«Нема там ни двора, ни кола, одзин стовп стоиць, адзе ваши перчаточки лежали».

Ефросин.
«Чудо митрополита Киприана»

Киприан путешествует по Литве.

Киприан «видел и наездил в Литовском такова человека. . . встретил его человек той».

Киприан приехал в село и «поседел в ызбе той».

«Святитель же не причастился ни к чему у них, мало поседел и вон пошел».

Киприан послал за забытыми на окне на столбе рукавицами.

«Не обретеса ничто же, ни людей, ни двора, ни животного. . . , толке бревно сконное, на чем рукавки положены».

На этом рассказ Ефросина заканчивается, в то время как у Афанасьева и Романова сюжет сказок развивается дальше: богатство хозяев пропавшего двора переходит к бедняку. Можно предположить, что подобная сказка существовала на Руси или в Литве в XV в. самостоятельно, безотносительно к имени митрополита Киприана и ее превращение в чудо святителя — явление вторичное в бытовании этого сюжета. Скорее всего, соединение сказки с именем митрополита произошло уже не в устной, а в письменной традиции.

То, что именно в записи Ефросина дошел до нас этот книжный вариант устного произведения, объясняется как тяготением Ефросина к устному народному творчеству, так и особым его интересом к личности митрополита Киприана. Возможно, Киприан интересовал книгописца как современник Мамаева побоища, рассказ о котором — «Задонщину» — Ефросин не просто переписал, но и отредактировал по-своему. Столетие боя за Доном отмечено у Ефросина специальной записью: «В лето 6888 сеп. 8 в среду был бой за Доном. В лето 6988 сеп. 8 и тому прешло лет 100».

видуальных чертах Кирилло-Белозерского списка «Задонщины»). — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова». М.—Л., 1966, с. 264—291.

¹⁰ М. Д. Каган-Тарковская. Легенда о перстне. . . , с. 251.

В выписках из краткого Кирилло-Белозерского летописчика, помещенных им после текста «Задонщины» и как бы восполняющих недостающую в его списке вторую часть памятника, имя митрополита Киприана встречается неоднократно: «6889 во праздник Вознесения господня прииде изо Царя града на Русь Киприан митрополит год спустя по задончине»; «в лето 6891 князь велики Дмитрие сослал Киприана митрополита на третей год по задончине»; «в лето 6897 выде из Царя града Киприан митрополит, а с ним два митрополита послы»; «в лето 6915, сеп. 15 преставися Киприан митрополит, пас церковь божию лет 30».¹¹ Так лаконично отметил Ефросин важнейшие вехи деятельности на Руси Киприана, хронологически связав его имя с борьбой против татар.

Болгарин Киприан, поставленный в русские митрополиты константинопольским патриархом Филофеем в 1375 г., был неугоден великому князю Дмитрию Ивановичу, хотевшему видеть на митрополии своего ставленника Михаила (Митяя). Вынужденный все же принять Киприана, Дмитрий изгоняет его в 1382 г., вменив в вину митрополиту его бегство из Москвы во время нападения на нее татарского хана Тохтамыша. Осенью 1382 г. Киприан уезжает в Киев и возглавляет митрополию западной Руси, подвластной Литве.¹² (Как видим, Литва фигурирует в рассказе о чуде митрополита отнюдь не случайно). Упомянув о распре великого князя с митрополитом, Ефросин не скрывает своих симпатий к Киприану. В кратком летописчике, переписанном рукою Ефросина, это выражено достаточно ясно: «В лето 6891 князь великии Дмитрие Иванович сослал Киприана митрополита, и бысть оттоле мятеж в митрополии».¹³ Право на митрополичий престол Киприан оспаривал еще у двух претендентов — Дионисия Суздальского и Пимины, также получивших поставление константинопольских патриархов. Под «мятежом в митрополии» Ефросин, вероятно, и имел в виду призвание Пимины и все дальнейшие события борьбы за митрополичий престол. И хотя стать русским митрополитом окончательно Киприан смог только в 1390 г. после смерти всех своих соперников, а главное, после смерти в 1389 г. великого князя Дмитрия Ивановича Донского, Ефросин в кратком некрологе, указывающем год смерти Киприана (1407), пишет: «пас церковь божию лет 30», а в перечне русских митрополитов 25-м называет Алексея, а 26-м — Киприана, считая тем самым всех остальных претендентов незаконными.

Кроме упоминания о Киприане в известиях из краткого летописчика, Ефросин приводит в своем сборнике два сочинения самого Киприана. Первое — «Прощальная грамота», т. е. духовное завещание Киприана, помещенное впоследствии в Никоновской летописи и Степенной книге,¹⁴ и второе — «Молитва разрешати умершаго князя и всякого христианина, творение господина Киприана митрополита всея Руси, писана в Лутце над гробом княжиим Дмитриевым».¹⁵ Оба произведения рассматривает Л. А. Дмитриев в своей работе о митрополите Киприане как писателе и отмечает, что в «Прощальной грамоте» развивается тема благословения и прощения митрополитом всех людей и даже его врагов: «. . . аще

¹¹ ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 9/1086, л. 129 об.—130 об.

¹² См.: Г. М. Прохоров. Повесть о Митяе. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л., 1978, с. 47—124, 169—187. Все события борьбы Киприана за митрополичий престол излагаются на основании исследования Г. М. Прохорова.

¹³ ГПБ, собр. Погодина, № 1554, л. 15—15 об. (Отрывок краткого летописчика, находящийся в погодинской рукописи, вырван из сборника Ефросина, ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 22/1099). См. также публикацию: А. А. Зимин. Краткие летописцы XV—XVI вв. — ИА, т. V. М.—Л., 1950, с. 25.

¹⁴ ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 9/1086, л. 87 об.—91; ПСРЛ, т. XI. М. 1963, с. 195—197; ПСРЛ, т. XXI, ч. 2. СПб., 1913, с. 441—443.

¹⁵ ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 9/1086, л. 93—95 об.

будет некто на мя пороптал или явно встал от епископского чину и священнического, или кто будет мирских совокупился с ними в мене предкнущася, от моя области разрешити должен есмь».¹⁶ Эта же тема проходит и в молитве: «Или кого приобиде, или яростию подвигся не оправдова кого, или аще во лжу впад, господи человеколюбче, отпусти, ослаби, разреши душу раба твоего». Но молитва, как ясно из ее заглавия, читалась над гробом Дмитрия Донского, и именно ему были поставлены в упрек все перечисленные грехи, поэтому можно думать, что в намеках Киприана как в молитве, так и в грамоте имелась в виду его политическая борьба с князем и княжими ставленниками. В этой борьбе Киприан не только прощал своих врагов, но и проклинал их, и отлучал от церкви. Это известно из посланий Киприана Сергию Радонежскому и его племяннику Федору, написанных в 1378 г. после ареста и первого изгнания Киприана из Москвы и рассчитанных на широкий круг читателей.¹⁷

Документальные памятники, связанные с именем Киприана, соединены в сборнике Ефросина с вымышленным рассказом, призванным другими средствами внушить читателю мысль о силе митрополичьего благословения или проклятья, «неблагословения». Дидактическое содержание рассказа о чуде митрополита Киприана — силе иерейского слова — часто встречается в переводных патериках, столь популярных в древнерусской письменности, в том числе и у Ефросина. Известен ряд рассказов, где слово иерея творит чудеса: делает человека неподвижным на несколько суток, воскрешает младенца, чтобы его окрестить, или убитого, чтобы тот указал убийцу и оправдал невиновного. Рассказ о чуде митрополита Киприана, дошедший до нас в кратком пересказе Ефросина, по своему жанру приближается к такого рода патеричным легендам. Сказочность повествования о чуде Киприана вполне согласуется с беллетристичностью и занимательностью патериков. Обращение же автора к мотивам устного народного творчества говорит о той роли, которую оно играло в формировании книжных произведений в XV в.

¹⁶ Л. А. Дмитриев. Роль и значение митрополита Киприана в истории древнерусской литературы (к русско-болгарским литературным связям XIV—XV вв.). — ТОДРЛ, т. XIX. М.—Л., 1963, с. 235.

¹⁷ См.: Л. А. Дмитриев. Роль и значение митрополита Киприана. . . , с. 230; Г. М. Прохоров. Повесть о Митяе, с. 58.